

ЛОКУС «РОССИЯ» В ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ (на материале творчества Г. Иванова)

В статье рассматриваются лексико-семантические особенности поэтической метафоризации России в эмигрантских циклах Г. Иванова; в контексте поэзии «серебряного века» определяются различные метафорические модели этого важного для русского поэта-эмигранта локуса и их текстовые вариации.

И Россия, как белая лира,
Над засыпанной снегом судьбой.

(Г. Иванов. Отплытие на о. Цитеру, 1930)

Идея этой статьи пришла в процессе исследования образа России в поэзии Серебряного века¹ – эпохи, не только создавшей массу талантливых личностей, но и закончившейся для многих из них отъездом из России, тем, что называется теперь «первой волной» русской эмиграции. Такое пространственное перемещение (как правило – вынужденное) неизбежно должно было привести и к изменению «поэтических отношений» с некогда родной, а затем потерянной страной. Тема творческого взаимоотношения художника с родиной – особая, а когда речь заходит об авторе русском – особая вдвойне, потому что «у Большого Искусства три темы: Любовь, Смерть и Свобода. <...> У русских художников и поэтов <...> есть и четвертая тема, которую они вынашивают в первую очередь в сердце (или под сердцем), в мыслях своих, задачах – это тема России, ибо – считают они – только она позволяет правильно трактовать три главнейшие, решаемые в общечеловеческом плане, темы, только она помогает правильно выбрать позицию в эстетическо-нравственных параметрах, потому что для них несокрушимым постулатом служит вера в мессианское предназначение их родины...»².

Поэзия Серебряного века представила концентрацию возможных образов России, вобрав в себя метафоризацию страны из художественного творчества XIX века и став своеобразной точкой отсчета в поэтическом определении родной страны авторами века XX. Это образы либо персонифицированные антропоморфные (Россия – *младенец, дева, невеста, жена, мать, старуха, колдунья, Мессия*) или неантропоморфные (*Сфинкс, Феникс, птица, кобылица, теллица*), либо пространственные, связанные с представлением российских просторов и мест.

В этом контексте исследование еще одной грани художественного осмысления образа России – ее дистанцированности от автора, виртуального, гипотетического для художника существования –

кажется закономерным, тем более что «...уместно говорить об автономном существовании географических образов, которые как бы живут и развиваются внутри художественных произведений по *собственным законам*» (курсив автора, – В.П.)³. Интерес вызывают прежде всего наиболее емкие определения России и включения этого имени в метафорические образования. Все это в большом количестве предлагает русская поэзия. Довольно обширный материал собран Н.В. Павлович в ее «Словаре поэтических образов» (М., 1999), но в главе «Страна» (и подглавке «Россия») представлены лишь наиболее распространенные образы России, созданные в непосредственной ее близости. Из стихов русского зарубежья встречаем лишь один образ – Г. Иванова – «Россия – страх». Обратимся же к эмигрантскому творчеству этого автора и проследим способы вхождения имени «Россия» в структуру его стихотворений «послероссийской» поры.

В годы эмиграции Г. Иванов создал пять поэтических книг, в которых его талант раскрылся в полной мере: «Розы» (1931); сборник «Отплытие на о. Цитеру» (1937) (сборник под таким же названием был написан поэтом до отъезда за границу) с подзаголовком «Избранные стихи 1916-1936»; «Портрет без сходства» (1950), сборник «1943-1958. Стихи» (1958), включающий, кроме опубликованного ранее «Портрета без сходства», циклы «Rayon de gaupne» и «Дневник»; «Посмертный дневник», вышедший в 1958 году, после смерти автора. Объем поэтического творчества Г. Иванова – эмигранта примерно соответствует объему написанного им в России, «однако по оригинальности творческого мышления, художественно-философским проблемам и их образному воплощению, по силе воздействия на читателей его поэзия 1930-1950-х гг. не идет ни в какое сравнение со стихами 1910-1920-х гг., а по новиз-

¹ Прокофьева В.Ю. Локус «Россия» в поэзии Серебряного века // TEXTUS: Этика и социология текста. Вып. 9. Ставрополь: СГУ, 2002 (в печати).

² Сушко А.Н. Два титана русской эмиграции (Г. Иванов и В. Клевер). СПб., 2001. С. 4.

³ Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. №46 (2000). С. 272.

не и бесстрашию отражения жизни почти не имеет себе равных в первой половине XX века»⁴. И основная тема этого периода, и не только в поэзии, – Россия, ведь «с чем прибыли, то и распространяли эмигрантские писатели: главное в этом было – Россия»⁵.

Обратимся теперь к тем поэтическим корреляциям, «моделям» – именно так, ибо слово «образ», как мы увидим в дальнейшем, окажется менее точным, – которые можно обнаружить в эмигрантских циклах Г. Иванова (фрагменты будут приводиться с указанием в скобках поэтических циклов).

1. Россия как потеря мира, дома. Само слово *Россия* не присутствует в лексической структуре стихотворения, оно заменяется словами либо с более широкой пространственной семантикой (*мир*), либо с более узкой (*дом*); «ключевое слово растворено в синонимах»⁶:

На мир, что навсегда потеряли,
Глаза умерших смотрят так. (Розы)

Никому ни о чем не расскажем,
Никогда не вернемся домой. (Портрет без сходства)

2. «Подбор определений» России, попытка вместить понятие в слово:

Россия счастье. Россия свет.
А может быть, России нет.
...Россия тишина. Россия прах.
А может быть, Россия – только страх.
(Отплытие на о. Цитеру)

Россия – счастье, но счастье потерянное; поэтически обыгрываемая формула «что имеем – не храним...» дополняется ключевым для эмигрантской поэзии образом – снега, «доминирующей метафоры... входящей в лейтмотив эмигрантской поэзии (*Когда мы в Россию вернемся... Но снегом ее занесло.* – Г. Адамович)»⁷:

Замело тебя, счастье, снегами,
Унесло на столетье назад...
(Отплытие...)

Счастье выпало из рук,
Камнем в море утонуло,
Рыбкой золотой плеснуло,
Льдинкой уплыло на юг.

(Розы)

В «Посмертном дневнике» семантическое соотношение *снег – Россия* эксплицируется лексически: *О русском снеге, о русской стуже... Ах, если б, если б... да кабы...*, а также появляется еще одно, последнее (во всех смыслах), определение России – *отчаянье*:

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой.

Обыгрывая идиому *прийти в отчаянье*, поэт, по сути, выводит реализованную метафору, имеющую веер культурных ассоциаций (от «вечного возвращения» до «возвращения блудного сына»), и несмотря на то что (а может и – «благодаря тому что») ключевое слово не присутствует материально, эмигрантская модель России (*отчаянье – последний приют – церковка* (именно в такой – ласковой – форме, рождающей чисто русскую ассоциацию-рифму *луковка – зима – снег – дом – прийти*) в таком виде обретает свое завершение.

3. Отрицание России: «И нет ни России, ни мира, И нет ни любви, ни обид». (Розы), включенное в отрицание всего и вся, реального и духовного. Сгущение и семантическую кристаллизацию этого настроения трагической иронии находим в одном из знаменитейших стихотворений Г. Иванова, начинающемся строфой:

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет. (Розы)

Стихотворение не перестает волновать исследователей. Так, Ю.И. Левин, проанализировав его «построфно», приходит к выводу, что постепенная аннигиляция материи и замена ее пустотой присутствует в нем и на лексическом уровне (замена имен существительных собственных «местоимениями, притом отрицательными»), и на синтаксическом («синтаксис стихотворения как бы разыгрывает ту ущербность и пустоту, которая является его темой»⁸. А. Пурин же видит в этом стихотво-

⁴ Захаров А.Н. Поэтический мир Г. Иванова 1930-1950-х годов // Филологические науки. 1996. №1. С. 23.

⁵ Зайцев Б. Изгнание // Русская литература в эмиграции: Сб. статей под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 3-4 (Цитируется по: Литература русского зарубежья. Антология. Т. 1, кн. 1. М., 1990. С. 14-15).

⁶ Ермилова Е.В. Георгий Иванов // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М., 1993. С. 236.

⁷ Грановская Л.М. Русский язык в «расеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. – М., 1995. С. 81.

⁸ Левин Ю.И. Г. Иванов «Хорошо, что нет Царя...» // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 273-274.

рении духовные коннотации: «Вся семантика этого страшного, гениального и чрезвычайно характерного стихотворения начисто отвергает любые попытки его ситуационного, скажем – политического, прочтения. Речь тут идет не об убийстве в Ипатьевском доме, а о смерти без воскресения. Понятно: если эмиграция – зримый посюсторонний мир, то Россия, синонимичная Царю (с прописной буквы) и Богу, – потусторонний мир души и бессмертия. Россия – душа, но ее, согласно Иванову, нет. Нет и бессмертия. Нет рая»⁹.

4. Россия как предположение, гипотеза, «ощущение зыбкости и неуловимости образа России, вплоть до сомнения в реальности ее существования»¹⁰, о чем говорит неоднократное повторение союза *если*:

Если плещется где-то Нева,
Если к ней долетают слова –
Это вам говорю из Парижа я
То, что сам понимаю едва.
(Портрет без сходства)

5. Россия как воспоминание, представление. Как пишет исследователь языка эмигрантской литературы Л.М. Грановская, «память – одно из ключевых слов русского зарубежья. Это тишина, соединение всех противоречий, мир. Память не спорит со временем, а ведь пафос эмиграции в споре с ним. **Помнить** о прошлом эмиграции никто не в силах ни воспрепятствовать, ни помешать, но помнить его она как раз и не хочет, она хочет в нем **жить**»¹¹.

5.1. Как правило, этот приятный для автора образ России-представления воплощается через название конкретных петербургских реалий, пробивающихся сквозь туман, который понимается и как обязательный атрибут северной столицы, и как метафора изменившегося хронотопа:

Все представляю в блаженном тумане я:
Статуи, арки, сады, цветники,
Темные волны прекрасной реки...

(Дневник)

Иногда такое представление подается как воспоминание-напоминание предполагаемому собеседнику, причем четкость зрительного образа оттеняется гиперболизированной временной дистанцированностью (как, например, это делается в третьей строчке следующего фрагмента):

Над широкой Невой догорал закат,
Цепенели дворцы, чернели мосты –
Это было тысячу лет назад,
Так давно, что забыла ты. (Розы)

5.2. Россия как воспоминание неприятное, нежеланное; намеренное нагнетание отрицательных частиц, впрочем, не изгоняет образ из памяти, а напротив, закрепляет его позиции в личностной концептосфере автора:

Я тебя не вспоминаю,
Не хочу и не могу. (О России. – В.П.)
(Отплытие...)

Мне больше не страшно. Мне темно.
Я медленно в пропасть лечу
И вашей России не помню
И помнить ее не хочу. (Дневник)

6. Забывание России. Вербальная констатация этого факта также неубедительна, это, собственно, не забывание, а, как и в предыдущем случае, желание забыть то, что забыть невозможно, и об этом свидетельствует хотя бы перечислительный ряд российских топонимов:

Нет в России даже дорогих могил,
Может быть, и были – только я забыл.
Нету Петербурга, Киева, Москвы –
Может быть, и были, да забыл, увы. (Дневник)

7. Сопоставление утраченной России и приобретенного «мира»; «две главные части, на которые расколот земной мир поэта, – это Россия, откуда эмигрировал, и «чужая страна», где живет и «мучается» его лирический герой»¹²:

Ничего не вернуть. И зачем возвращать?
Разучились любить, разучились прощать –
Забывать никогда не научимся...
...наступает весна
В этом мире, в котором мы мучимся. (Портрет...)

«<...> Образ мировой черной дыры, куда исчезает все сущее, конкретизируется, превращаясь... в «европейскую дыру»»¹³:

Я, что когда-то с Россией простился,
(Ночью навстречу полярной заре),
Не оглянулся, не перекрестился
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре. (Дневник)

⁹ Пурин А. Воспоминания о Евтерпе (Статьи и эссе). Поэт эмиграции // Urbi: Литературный альманах. Вып. 9. СПб., 1996. С. 227.

¹⁰ Ермилова Е.В. Указ. соч. С. 235.

¹¹ Грановская Л.М. Указ. соч. С. 83.

¹² Захаров А.Н. Указ. соч. С. 27.

¹³ Там же.

7.1. Несовместимость новой действительности и русского. «Этот мир» не вызывает положительных эмоций, ощущение собственной чуждости ему не оставляет поэта:

И в этом мире слишком узком,
Где все потеря и урон,
Считать себя с чего-то русским,
Читать стихи, считать ворон. (Дневник)

Такое двойственное положение по отношению к «новому миру», когда «я в одной стране, но во мне другая», рождает изумительные окказиональные метафоры, основанные на этой реальной «антонимии» – ограниченной свободе существования и неограниченном пространстве воспоминаний:

Туманные проходят годы,
И попережку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы. (Дневник)

Такое внутреннее и внешнее размежевание себя и новой данности фиксируется в стихах и на уровне акцентологическом, как отторжение «фонетическое»:

По улице уносит стружки
Ноябрьский ветер ледяной.
– Вы русский? – Ну, понятно, *рушкий*.
Нос бесконечный. Шарф смешной.
(Rayonn...)

7.2. Внутреннее смирение с реальным положением вещей и попытка установления родственных отношений с новой страной на вербальном уровне – называние ее «родной»:

Четверть века прошло за границей
И надеяться стало смешным.
Лучезарное небо под Ниццей
Навсегда стало небом родным. (Дневник)

И все же душевного родства в стихах не наблюдается, а отношения с новой страной строятся по русской формуле «стерпится, слюбится», и об этих экзистенциальных ощущениях Г. Иванов не преминет сказать прямо:

Притерпелись и попривыкали,
Не походили с ума...
...Даже напротив – в бессмысленно злобном
Мире – противном злу:
Ласково кружимся в вальсе загробном
На эмигрантском балу. (Rayonn...)

Этот мотив кружения в бессмысленном и бесконечном танце не раз встречается в эмигрантских стихах Г. Иванова, символизируя статичность, замкнутость, внешнюю и внутреннюю отгорожен-

ность от мира, безнадежность и безвыходность существования нынешних «участников» этого движения по кругу, как в приведенном фрагменте. Или это – остановившийся кадр воспоминаний о жизни прежней с ее уже неповторимыми событиями и ушедшими в прошлое персонажами, застывшими в когда-то схваченных взглядом позах, – тоже завершенной в своих временных рамках:

Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушеньем вея.
Где Олечка Судейкина, увы!
Ахматова, Паллада, Саломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году, –
Лишь призраки на петербургском льду.
(Розы)

7.3. В «Посмертном дневнике», написанном умирающим (и осознающим это) поэтом, вдруг появляется смена акцентов: Россия предстает «как наяву», а «эмигрантская быль» кажется наваждением, хотя этот незатейливый самообман («Могу я помечтать.. Свою страну увижу наяву – Нева и Волга, Невский и Арбат...») эксплицируется в лексическом противопоставлении *здесь/там*, дающем понять, что поэт имеет трезвые представления о реальности своего бытия:

И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

8. Тоска по российским реалиям, которых нет в «новом мире». Подобно тому как после долгой разлуки со страной Чацкий радуется «дыму Отечества», Г. Иванову не хватает на «новом» месте того, что раньше, вполне вероятно, не замечалось взглядом и уж – совершенно точно – не находило экспликации в поэтическом тексте:

Здесь в лесах даже розы цветут,
Даже пальмы растут – вот умора.
Но как странно – во Франции, тут,
Я нигде не встречал мухомора. (Дневник)

или – наоборот – являлось принадлежностью поэтической системы именно русского фольклора (как, например, образ кукушки или включение в текст стихотворения русских пословиц и поговорок):

Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш...
... Отзовись, пожалуйста. Да нет, не отзовется.
Ну и делать нечего. Проживем и так.
Из огня да в полымя. Где тонко, там и рвется.

Появляется естественная смена акцентов: Россия – это экзотика, и все российское необычно, а здешняя эмигрантская жизнь сера и обыденна; языковая стихия поддерживает, пусть только на духов-

ном уровне, национальную среду, а точнее – ее видимость.

9. Включение в текст стихотворения великих русских имен:

А мы – Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики. (Дневник)

9.1. Упоминание «ключевых» имен русской поэзии и органичное вкрапление известных поэтических строчек в собственный текст. Из имен прежде всего два – Пушкин и Лермонтов, причем личные симпатии отдаются все же Лермонтову, имя которого, по словам В. Ходасевича, воспринималось многими поэтами русской эмиграции «с большой кровной заинтересованностью»¹⁴. И причину этого раскрывает Г. Адамович: «...у Лермонтова ощущение и ожидание чуда, которого у Пушкина нет. У Лермонтова есть паузы, есть молчание, которое выразительнее всего, что он в силах был бы сказать»¹⁵, Лермонтов «самим «трагически-дружественным» тоном своей поэзии отвечал стремлению многих поэтов выразить в слове все обострявшийся драматизм мира»¹⁶. (Это ожидание чуда – подняться с кровати и *взглянуть на Павловск из окна* или обнаружить *вид на Царское в окно* – прорывается в «Посмертном дневнике» Г. Иванова.)

Г. Иванов мастерски сплавляет (это слово в данном случае более уместно, т. к. мы имеем дело не просто с соединением) в тексте имя собственное (поэта или его персонажа), самый известный из его творчества топоним (естественно, российский) и одну из «знаковых» для него тем; такая лексико-семантическая «триада» может интерпретироваться по-разному: как ностальгия, преемственность поколений, культурная память, верность традициям и т. п., но неоспоримым будет одно – ощущение «русскости» стиха, и тематической, и стилистической, и концептуальной ср. в «Посмертном дневнике»: «Александр Сергеевич, я о вас скучаю!»:

Туман, Тамань... *Пустыня внемлет Богу.*
... И Лермонтов один *выходит на дорогу,*
Серебряными шпорами звеня. (Дневник)

Полутона рябины и малины
В меланхоличном имени Алины...
...*На Грузию ложится тьма ночная...* (Дневник)
(курсив наш. – В.П.)

9.2. Имена современников, оставшихся в России:

Я люблю безнадежный покой...
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилев. (Дневник)

Переосмысление цитатного материала находим и по отношению к русской поэзии начала XX века:

Это звон бубенцов издадека,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег. (Отплытие...)

В данном случае соединение строчек из известного романса на стихи А. Кусикова (также поэта Серебряного века, а потом – эмигранта) «Бубенцы» со словами-знаками поэзии А. Блока и включение его имени в текст создает не только «слышимую глазами» (при чтении) музыкальность стихотворения, но и его глубокую «русскость», чувствующуюся на всех языковых уровнях. Подобное «цитирование» – прием не только Г. Иванова, но и творчества всей русской эмиграции: «Объем культурной памяти у эмиграции был велик, и в новых условиях в литературной речи была создана своя поэтика намеков – аллюзивность, естественно воспроизводящая ситуацию, сюжеты, мотивы. <...> Эта приверженность к насыщению текста... шла от поэтической практики акмеистов, названной *перетекающей цитатой*. Атрибутирование цитаты в самом тексте эмигрантская поэзия ввела как особый прием»¹⁷. В поэзии же Г. Иванова этот прием доводится до совершенства:

...Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна,
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна. (Дневник)
(курсив наш. – В.П.)

Итак, поэтические взаимоотношения с родной страной у поэтов, расставшихся с ней и не имеющих подобного опыта, сильно отличаются. На примере эмигрантских циклов Г. Иванова заметно отсутствие такого распространенного в поэзии Серебряного века метафоризирования России, как разнообразная персонификация, которая предполагает близкие (не только в душевном, но и пространственном смысле) контакты с объектом поэтической трансформации. Нет и развернутого описания родных просторов, что тоже понятно: образ далекой страны фиксируется в сознании повторяющимся из стихотворения в стихотворение пере-

¹⁴ Цит. по: Чагин А. Расколота лира. Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920–30-е гг. М., 1998. С. 32.

¹⁵ Адамович Г. Комментарии // Адамович Г. Одиночество и свобода. М., 1996. С. 232.

¹⁶ Чагин А. Указ. соч. С. 32.

¹⁷ Грановская Л.М. Указ. соч. С. 82, 83.

числением российских локусов – Петербург, Москва, Невский, Нева, Арбат, а также переключением на уровень личностной и культурной памяти, что и создает в целом свойственную «парижской ноте» «тоску припоминанья». Отсутствие России как данности «внешней» оборачивается для художника-эмигранта переводом лирического объекта из области денотативной в область сигнификативную, «внутреннюю». Отсюда – различного рода абстрактные текстовые модели России (забывание, вспоминание, отрицание, со-, а больше противопоставления, культурные ассоциации и «цитатные оргии», по словам О. Мандельштама) даже на уровне оп-

ределений (*Россия – страх*). Живя и творя в соответствии с формулой «не я в России, но она во мне» (ср. название книги Р. Гуля «Я унес Россию. Апология эмиграции» – Нью-Йорк, 1984–1989), русский поэт-эмигрант создает мир, пронизанный «не воспоминаниями (которая не успела сформировать короткая жизнь в России), а видениями, призраками, которые в изгнании стали источниками эмоции и творчества»¹⁸ :

О нет, не обращаюсь к миру я
И вашего не жду признания.
Я попросту хлороформирую
Поэзией мое сознание. (Дневник)

¹⁸ Грановская Л.М. Указ. соч. С. 73.